

РУССКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Русское словообразование привлекало многих исследователей. В минувшем десятилетии оно получило признание в качестве самостоятельного раздела языкознания в ряду с лексикой и грамматикой¹. За одни послевоенные годы опубликованы сотни работ по русскому словообразованию. Накоплен огромный материал, позволяющий и требующий подойти к обобщениям. Еще шире фронт словообразовательных исследований в других славянских и иных языках. В двух выпусках библиографического указателя польской литературы по словообразованию зарегистрировано 951 заглавие², а с тех пор количество их круто возросло. Это дает возможность и обязывает не ограничиться замкнутым описанием фактов одного языка, а рассматривать их в плане сравнительно-историческом и шире — в плане сравнительно-типологическом.

Но прежде необходимо выяснить серьезное недоразумение, чреватое тяжелыми последствиями для словообразования как отрасли лингвистической науки.

Еще Н. В. Крушевский, И. А. Бодуэн, В. А. Богородицкий, Ф. Ф. Фортунатов предостерегали, что недопустимо смешивать словообразовательный анализ с морфологическим и подменять один другим. Два десятилетия назад Г. О. Винокур вынужден был повторить требование различать анализ словообразовательный и анализ морфологический:

«Однако, признавая силу этого требования в теории, ученые до сих пор плохо считаются с ним в практической работе»³. На беду, положение сегодня не улучшилось, а еще ухудшилось. В чем суть различия?

Слово *догадлив* отчетливо членится на морфемы *до/гад/лив*. Но разве оно образовано так? Конечно, оно сложено не из таких кусочков, как и не из *до/гадлив*, а, несомненно, из основы *догад-*

¹ В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. — «Вопросы теории и истории языка». М., 1952.

² Materiały do bibliografii słowotwórstwa języków słowiańskich. Pod redakcją W. Doroszewskiego, I—II. Warszawa, 1953—1959.

³ Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. — ИЮЛЯ, 1946, № 4, стр. 316.

(догадаться, догадка) и суффикса -лив, т. е. до- тут не префикс, а часть основы. Примеры на каждом шагу: в существительном *надстройка* нет префикса *над-*, префиксально не оно, а его «предок» — глагол *надстроить*, из которого суффиксом *-ка* образовано *надстройка*. Это совершенно различные и одновременные процессы, как напоминал Г. О. Винокур: «Внутренняя зависимость между производящими и производимыми основами разных степеней обнаруживается в последовательном, а не одновременном присоединении морфем, составляющих основу каждой новой степени по сравнению с предшествующей. Одной из очень важных задач учения о русском словообразовании, несомненно, следует признать указание точных приемов такого расчленения производных основ выше первой степени, которое отражало бы эту последовательность в присоединении новой морфемы к уже существующим их сочленениям»⁴.

Игнорирующий «этажность» строения слова не раскрывает этого строения, а искажает его.

К сожалению, в той же статье Г. О. Винокур непоследовательно согласился признать *уныть* и *перестать* непrefixальными, так как их компоненты сейчас «незначимы»⁵. Но это и есть смешенье времен. Разве эти слова образованы сейчас?

Усгупка оказалась роковой. Подмена словообразовательного анализа (т. е. выяснения, как слово образовано) морфологическим (как оно членится на морфемы сегодня) в последующих работах становится почти привычной.

В своем «Школьном словообразовательном словаре» (изд. 2. М., 1964) З. А. Потиха членит слова так: *при/бы/тие*, *у/бы/тие* и пр. Это членение морфемное, а не словообразовательное. Процессы словообразования протекали:

Шаткость принципиальной позиции привела к противоречиям: *восхищ/а/ть*, но *по/хищ/а/ть* и т. п.

Другая работа⁶ ошибочно приписывает префиксальное образование словам *выкуп*, *перевал* и т. п., которые в действительности образованы не префиксацией, а из глаголов, уже включивших

⁴ Там же, стр. 331.

⁵ Там же, стр. 317—318.

⁶ Е. Н. Ш и п о в а. О способах словообразования имен существительных в русском и казахском языках. — «Вопросы изучения русского языка». Алма-Ата, 1955, стр. 315.

префиксы. Но и заметивший, что префиксальность этих образований мнима, напрасно назвал их «безаффиксальными»⁷. Эти образования, незаслуженно лишённые монографического исследования, обильны в русском языке (в диалоге 3% всех случаев существительных в тексте, а в публицистике даже 8%), чрезвычайно разнообразны и устойчивы: *разбег, побег, распад, закат, обман, передел, ответ, совет, съезд, уход* и т. д. Образование их не «нулевое», а «минусовое» — апокопа (усечение) глаголов, аналогично многочисленным составным — *мясоед, злодей, рыболов, листопад, верхогляд* и проч.

Ярчайший пример «минусового» образования — *зонтик* из *зонтик*, которое, вопреки кажущемуся наличию деминутивного суффикса *-ик*, заимствовано из голландского *zondeck* (*zon* 'солнце', *deck* 'крыша'). Случай далеко не исключительный (*трусы* из *трусика*, а не наоборот).

Как образована сама производящая основа — это другой вопрос. Путать их — значит принимать деда за отца. Иначе — почему же останавливаться на генеалогии только до второго или третьего колена, а не перебирать все поколения предков, доискиваясь до «самого первого слова»?!

Совершенно неприемлем отказ признать слово образованным аффиксально, если основа теперь уж не существует самостоятельно: *ужас, доблесть, обескуражить* и пр., приводимые Н. М. Шанским, который, признавая и удачно показывая «этажное» строение слова, однако отказывается от подлинного анализа его ради того, каким слово представляется, если бы оно возникло сегодня. Он объявляет беспрефиксными и *приду, обмануть*, относя их к иванам, не помнящим родства⁸. Он прямо декларирует: «Словообразовательный анализ устанавливает лишь, на какие морфемы можно разбить слово сегодня, а не то, как данное слово возникло в действительности»⁹. Но в таком случае зачем же называть это словообразованием? Такой анализ словообразователен только в отношении тех слов, которые образованы сегодня, а их меньшинство. Хотя из русского языка давно выпала та основа, от которой некогда образованы глаголы *забавить, добавить, прибавить, сбавить, убавить, отбавить, подбавить, набавить, надбавить, избавить, разбавить*, но префиксальность их словообразования настолько отчетлива, что по строгости и полноте не уступает парадигме спряжения любого из этих глаголов. Позиция

⁷ А. И. Васильев. Образование бессуффиксных существительных в русском языке. — «Вопросы лексики и грамматики русского языка», II. Фрунзе, 1964, стр. 3.

⁸ Н. М. Шанский. Основы словообразовательного анализа. М., 1953, стр. 19; Он же. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 11—12.

⁹ Н. М. Шанский. О принципах словообразовательного анализа. — «Русский язык в национальной школе», 1958, № 4, стр. 41.

Н. М. Шанского полностью исключает историческое словообразование, а оно должно занять свое место в лингвистике, как историческая лексика, историческая грамматика, историческая фонетика. Может быть, Н. М. Шанский, который, конечно, знает, как в действительности образовались глаголы *уйти*, *обескураживать*, лишь неудачно использует термин «словообразовательный» для обозначения иного метода анализа? Так, заявив, что недопустим и невозможен словообразовательный анализ прилагательных *крохотный* и *мохнатый*, он тотчас осуществляет именно словообразовательный их анализ¹⁰. Видимо, историческое словообразование он не желает назвать словообразованием, полностью отождествляя его с этимологией.

Словообразование может совсем никак не отразиться материально, такова, например, адъективация причастий (превращение в прилагательное — *горелый*) или субстантивация прилагательных (превращение в существительное — *столовая*). Раз слово — единство формы и значения, то и смена значения без каких-либо формальных изменений образует другое слово (*столовая* 'комната, где едят' и *столовая* 'предприятие общественного питания').

Ясно, что словообразовательный анализ несравнимо трудней членения слова на осязаемые сегодня морфемы. В нередких случаях длится нерешенный спор — образовано ли слово *грешник* от *грех* суффиксом *-ник*¹¹ или суффиксом *-ик* от прилагательного *грешный*¹².

Давление упрощительства вытеснило словообразовательный анализ из школы, заменив его современным членением на морфемы. Не обсуждая здесь целесообразность замены, нельзя промолчать, что давать это под видом словообразовательного анализа — значит прививать всем обучаемым совершенно искаженное представление о развитии языка. В Польше даже педагогическая печать забила тревогу — журнал «*Polonistyka*» недавно опубликовал статью, показывающую вредность выдавать морфемное членение за словообразовательный анализ¹³.

А для этимологии, понятно, необходим именно словообразовательный анализ. Элементарно, что без знания исторической фонетики, лексикологии, семасиологии и без понимания их закономерностей нет научной этимологии. Необходимо усвоить, что ее нет и без знания исторического словообразования, его способов

¹⁰ Н. М. Ш а н с к и й. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, стр. 14—15.

¹¹ W. D o r o s z e w s k i. Monografie słowotwórcze. — PF XIII, 1928, § 88.

¹² А. А. Д е м е н т ь е в. Суффикс *-ик* и его производные в современном русском языке. — «Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та», вып. 5, 1942, стр. 50.

¹³ Z. K u r z o w a. O przedmiocie i metodzie słowotwórstwa. — «*Polonistyka*», 1965, № 1.

и средств, без понимания его закономерностей. Однако надежны — и этимология, не опирающаяся на строгие данные исторической фонетики, и этимология, рассматриваемая вне словообразовательных рядов!

* * *

Русское словообразование унаследовало и развило основные свойства словообразования общеславянского, в котором уже четко определилась такая самая характерная черта, как абсолютное господство аффиксации, в противоположность, например, максимальной активности различных видов словосложения в германских языках (особенно в немецком), хотя аффиксация сильна и в них. В любых текстах русской речи аффиксальны от 50 до 71% всех глаголов, от 73 до 75% всех прилагательных, а словосложение составляет всего 1—3%.

Почти все русские аффиксы возникли еще до распада славянской общности, а некоторые даже раньше ее обособления — так, суффикс *-r-* образует *nomina agentis* во многих индоевропейских языках, например широко представлен в романских и германских (в английском *-er-* — главный суффикс *nomina agentis*); по-видимому, общему источнику обязаны славянские *-ap-* (русск. *столяр, гончар* и пр.).

Из общеславянского унаследовал русский язык и резкое различие между преимущественной префиксацией глаголов и преимущественной суффиксацией имен, наметившееся еще до выделения славянских языков. По словообразовательному составу (не смешивать с морфологическим!) в русском тексте разговорном¹⁴ и публицистическом¹⁵ приходится на 100 случаев данной части речи:

	Глагол		Существительное		Прилагательное	
	разгов.	публ.	разгов.	публ.	разгов.	публ.
Префиксация (и <i>не-</i>) . . .	48	65	3	5	9	7
Суффиксация	2*	8*	37	55	70	81

* Не включены *-ся, -сь*, чаще служащие словоизменению, чем словообразованию.

Для любого вида речи, несмотря на их различия, остается неизменным главное: глаголы образованы предпочтительно префиксально, а имена — суффиксально (преобладание суффиксации еще резче в прилагательных, чем в существительных). Сходное отношение во всех славянских языках.

Это связано с различием самих источников образования слов по частям речи. Почти половина всех случаев прилагательных

¹⁴ Пьесы: А. Н. Островский «Волки и овцы», А. П. Чехов «Вишневый сад», А. М. Горький «Егор Булычов и другие»; в каждой взят 2-й акт (полностью).

¹⁵ Передовые «Правды», январь 1967 г.

в русской речи — образованные из существительных, некоторая часть — из глаголов, единичные — из наречий, из словосочетаний; только от 3 до 6% — из прилагательных (например, уменьшительные — *еньк-*). Напротив, почти половина всех случаев глаголов в русском тексте образованы из глаголов же (*разбить, отдать*). А префиксы служат преимущественно словообразованию внутри той же части речи, тогда как суффиксация очень часто переводит в другую часть речи.

Многие архаичные префиксально образованные имена позволяют предположить, что некогда префиксация была в славянском именном словообразовании обычной, чем теперь. Но, видимо, ее частота была обязана не тем приставкам, которые генетически возникли из предлогов, первоначально имевших пространственные значения, из которых так широко развились вторичные значения, абстрактные. Эти префиксы еще в очень раннее время стали главным средством образования глаголов (где, например, значение направленности в глаголах движения получало такое семантическое развитие, как выражение завершенности для *за-*, усилительной степени для *раз-* и т. д.). В образовании имен пространственные префиксы тоже принимали участие, но меньше и не все; общи с балтийскими языками префиксы *no-* (с одновременной суффиксацией — *поречье*), соответственно литовскому и латышскому *ra-*; *с-*, в архаичной форме *су-* (*суводь*). Но сильней в образовании имен выступали в качестве префиксов форманты, выражавшие иные значения, особенно отрицание: *без-*, соответственно лит. *be*, лтш. *bez*, сюда же надо отнести и *не-*, также общее для славянского и балтийского именного словообразования.

Наряду с генетически унаследованными способами и средствами словообразования русский язык в многовековых контактах вобрал и освоил иноязычные словообразовательные черты, нередко перерабатывая их.

В отличие от слова аффикс не заимствуется непосредственно, а извлекается из заимствованных слов.

В славянских языках широко привились интернациональные суффиксы существительных *-изм, -ист, -ия, -ана* и др., давно и часто присоединяемые к основам и русского происхождения, не вызывая ни малейшего ощущения противоестественности (*царизм, связист*), осложненные суффиксы *-ация, -изация* (*яровизация*). Темп освоения иноязычных аффиксов быстро возрастает, как показал В. Костомаров на примере субстантивного суффикса *-ист*: ранее XVIII в. известно только *евангелист*, при Петре I вошли еще 13, а теперь их более тысячи¹⁶. Впервые появясь в русском языке на рубеже XVIII—XIX вв., суффикс *-аж* (франц. *-age*)

¹⁶ В. Костомаров. К вопросу об интернациональных суффиксах в русском языке. — РЯШ 1956, № 6.

в багаж, зафиксированном в 1801 г.¹⁷, накопился за полтора столетия в обильных заимствованиях (*этаж, экипаж, фураж, монтаж, тираж, ажиотаж* и пр.), но только теперь становится средством русского словообразования, и то при нерусских основах (*метраж, типаж*), а к основам русским присоединяется пока подчеркнуто каламбурно (*подхалимаж, хололяж, строкаж*), но за этим начинает завоевывать и серьезные позиции (*листаж*): Из именных префиксов энергично освоен *анти-*, слабей *ультра-* (*ультразвук*). Обилие в русском языке заимствованных глаголов с префиксами *де-, дис-, ре-* допускает, что и эти форманты станут на русской почве продуктивными (сначала при иноязычных основах).

В отношении некоторых аффиксов не так легко решить, каким путем пришли они в русский язык: унаследованы ли генетически или приобретены в междуязыковом общении, развились ли на русской почве или унаследованы генетически. Так, префикс *па-* в значении неполноты (может быть, семантически близко к *полу-*) представлен рядом примеров и в русском литературном языке, и особенно в диалектах: *па́дчерица, па́сынок* (укр. *не́сын*) 'родные дети только одного из супругов', *пасмурно, па́клен* 'полевой клен' (в говорах *не́клен*), *па́ужинок* 'еда между обедом и ужином', *па́трубок, па́голенки* и др., ср. лит. *ramotė* 'мачеха', *patėvis* 'отчим' из *motina* 'мать', *tėvas* 'отец', лтш. *ramāte* 'мачеха', *patēvs* 'отчим', лит. *rabrolis* 'дружка, шафер' из *brolis* 'брат', лтш. *rabāls* 'беловатый', *rasolas* 'сладковатый'. Некоторая ограниченность такого образования в каждом из языков заставляет допустить, что *па-* в русских именах — скорей след не древней языковой общности, а более позднего контакта.

Как примеры превращения в префиксы приводят *полу-, само-*. Действительно, процесс префиксализации этих элементов активно происходит в современном русском языке. Однако такие факты, как *полдень* и др., допускают, что *полу-, само-* могли быть унаследованы русским языком генетически.

Начало нашего столетия принесло в русский язык прилагательные, обозначающие цвет, заимствованные без оформления русскими суффиксами: *беж, электрик, маренго* и др., но одни из них не удержались, другие приобрели русский суффикс, например, *бежевый*. Возможно, в дальнейшем заимствования без русской аффиксации станут на русской почве обычными, какими уже стали в именах собственных (учащающееся бессуффиксное название населенных мест от личных имен нерусского происхождения — города *Торез, Гольятти*).

Одновременно протекало в русском языке и самостоятельное развитие средств и способов словообразования. Но процесс этот

¹⁷ Р. А. Будагов. Некоторые спорные вопросы теории словообразования в романских языках. — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР» 1, 1952.

выражался не в создании материально-новых формантов. Трудно найти русский аффикс, которого не было бы ни в одном из других славянских языков, если не брать различий чисто фонетических (как полногласие *пере-* из общеславянского *пре-*). Зато собственно русские процессы мощно изменяли значения и частотность словообразующих средств.

Субстантивный формант *-ка* хорошо известен славянским языкам, но максимальное развитие он получил в русском. Тщетны попытки очертить круг его значений, даже самых общих, как уменьшительность (*ножка*), презрительность (*девка*), не говоря уж об узких, — все они не в силах объять хотя бы большинство существительных женского рода, образуемых этим формантом. Хотя продуктивность *-ка* во всем объеме современного русского словообразования несколько снижается, но и сегодня еще очень активна, — постоянно возникают новообразования, которых не втиснешь ни в какие рамки зарегистрированных ранее значений *-ка*: *электричка* 'поезд с электрической тягой', *синецоха* — 'пригородный поезд', *большевичка* 'женщина — член большевистской партии', *Ленинка* 'Библиотека им. В. И. Ленина'. При образовании большинства их формант *-ка* уже не имел никаких значений, кроме грамматических: субстантивация и феминизация одновременно, т. е. образование имен существительных женского рода.

В некоторых случаях общность двух языков не означает сохранения исконной общеславянской черты, а обусловлена параллельным развитием: например, в русском языке агентивный суффикс существительных *-ник* с обозначения лиц (*плотник*) все чаще переключается на обозначение механизмов (*холодильник*) и тот же процесс метонимии по тождеству функций совершается в польском. В меньшей мере это распространяется на другие суффиксы *popina agentis*.

В современном русском языке переживает новый подъем старый славянский способ образования существительных от существительных префиксом без суффикса: к немногим (как *заграница*) теперь присоединились многочисленные *подотдел*, *подпункт*, *подстанция* и т. п., однако в этом не принимают участия другие префиксы.

Наше время ввело в русский язык множество аббревиатур, весьма различных видов. Так как в основе всех их — всегда словосочетание, то их можно рассматривать как следующую за словосложением ступень соединения слов, которой, очевидно, предстоят новые завоевания. Однако сейчас общая доля аббревиатур еще не слишком велика даже в тех видах речи, где они особенно часты: например, в передовых «Правды» (январь 1967 г.) по отношению ко всем случаям существительных они не достигли 4%.

В результате всех этих процессов русское словообразование одновременно и близко к другим славянским языкам, и значительно отличается от них.

Возьмем для примера некоторые адъективные суффиксы.

В переводах художественной прозы И. С. Тургенева на каждую тысячу прилагательных тот же суффикс, как и в русском подлиннике, повторен: болг. — 619, с.-хорв. — 444, чеш. — 491, польск. — 477¹⁸. При этом основы нередко различны: русск. *заботливый* = болг. *грижлив* = с.-хорв. *пажљив* = чеш. *pečlivý* = польск. *troskliwy* — основы в пяти языках разные, а суффикс один.

У каждого форманта своя судьба. Обычно ограничивались констатацией, что такой-то суффикс знаком всем или многим славянским языкам. Но не интересовались тем, что употребительность его в них различна. А сравнение частотностей, различие которых при равенстве внеязыковых условий зависит от различия значений, показало бы, насколько близки между собой родственные языки. Иными словами — как далеко успели они разойтись.

Среди суффиксов прилагательных, кроме господствующей весьма ранней группы суффиксов *-н-*, всего устойчивей очень «нейтральный» суффикс *-ск-*. Если брать только нарицательные (не привлекать фамилий и топонимов), то из всех случаев прилагательных со *-ск-* русского текста художественной прозы 70% имеют тот же суффикс и в польском переводе; таков процент соответствия и во встречном направлении (а подобное совпадение не часто). Оба языка удержали одинаковость употребления этого суффикса больше чем на $\frac{2}{3}$ каждый. Конечно, только немногие из этих прилагательных возникли еще в общеславянский период. Но развитие шло в одинаковом направлении, «заданном» еще в общеславянское время, и темпы его в различных славянских языках оказались довольно сходны. В основе этого — сохраненное постоянство значения, еще общеславянского, которое обычно формулируют неудачно как «коллективную принадлежность» для *царский*, *морской*, где, конечно, речь идет не о «коллективе царей» или «коллективе морей»! В моих работах значение его сформулировано как *неличная принадлежность*¹⁹. Это полней охватывает значения *-ск-* в большинстве славянских случаев и не встретило возражений, но, к сожалению, не помешало и выражающим согласие повторять заученное неудачное определение²⁰. Может быть, именно наимень-

¹⁸ В. А. Никонов. Метод исследования суффиксов прилагательных. — «Структурно-типологические исследования». М., 1962.

¹⁹ В. А. Никонов. Славянский топонимический тип. — «Географические названия». М., 1962, стр. 27; Он же. Методы исследования суффиксов прилагательных, стр. 112; Он же. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 71.

²⁰ А. Д. Зверев. О некоторых особенностях образования прилага-

шей связанности с эмоционально-оценочными функциями обязан этот суффикс своей устойчивостью, так как, по замечанию Л. А. Булаховского об эмоционально окрашенных словообразовательных средствах, их «число и частота употребления все более сокращается»²¹.

Заметно разошлись славянские языки в отношении суффикса *-ov-*. В русском языке на тысячу прилагательных у Тургенева 88 образованы этим суффиксом, а в польских переводах тех же текстов — 219. При этом русским прилагательным на *-ov-* в 75% соответствуют польские с тем же суффиксом, тогда как из польских *-ow-* только 30% совпали с русскими *-ov-*. В русском языке этот суффикс не расширил своей употребительности, а начиная с XVII в. даже понес значительные потери, в польском же языке удержал и усилил свои позиции; хотя и там он тоже убывает, но в массе случаев, где русские прилагательные имеют иные суффиксы, их польские соответствия образованы с *-ow-*: *базарный* — *bazarowy*, *бетонный* — *betonowy* и пр.

Оба языка разошлись и в отношении суффикса *-am-* (*-at-*), но тут его судьба противоположна: в русском он вдвое употребительней, чем в польском.

Еще дальше разошлись в отношении суффикса *-ast-* (*-ast-*). Развился ли он из *-am-* еще в общеславянском или позже в каждом славянском языке, знаком он далеким друг от друга славянским языкам, но в совершенно разной мере. Всего сильнее он в словенском, где им образованы 500 самых разнородных прилагательных²², которым соответствуют русские *бронзовый*, *шутливый*, *угловой*, *дымчатый*, *красочный*, *глупый*, *дурацкий*, *мечевидный*, *меченосный* и пр. Очень част он и в сербско-хорватском, выступая там 31 раз на тысячу прилагательных (переводы из Тургенева) и занимая пятое место среди адъективных суффиксов, особенно в значении цветовых оттенков. В польском его доля мизерна, как и в русском литературном, несколько чаще в русских диалектах (*пятнастый*, *цветастый* при литературных *пятнистый*, *цветистый*). В обширном подсчитанном материале ни один случай русского *-ast-* не передан тем же суффиксом по-польски. И обратно — каждый случай польского *-ast-* соответствует другим суффиксам русского текста (словарно соответствия есть, но, следовательно, они слишком редки).

Одни форманты связывают русский язык с южнославянскими, отсутствуя в западнославянских (адъективные *-чesk-*, *-stven-*), другие, напротив, общи для русского и польского, но неизвестны южнославянским (*-evam*).

тельных. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1966, № 1, стр. 84.

²¹ Л. А. Булаховский. Введение в языкознание, ч. 2. Изд. 2. М., 1954, стр. 92.

²² А. Вајес. Besedotvorje slovenskega jezika, II. Ljubljana, 1952.

Арсенал средств русского словообразования богат. Особенно разнообразен ассортимент аффиксов. В образовании глаголов участвуют более 20 префиксов; чаще других *по-*, за ним *с-* (*со-*), *у-*, *о-* (в различных видах речи порядок частотности несколько различен). Прилагательные в основном образованы 26 суффиксами, среди них абсолютно преобладает *-н-*, часты *-ск-*, *-к-*, *-ов-* (*-ев-*), *-тельн-*. Наиболее обширен список субстантивных суффиксов — их более 70, не считая употребленных реже одного раза на тысячу существительных в тексте.

Значительны различия по видам речи. Так, префиксом *пред-* из тысячи случаев глагола в разговорной речи образованы от 2 до 5, а в передовых «Правды» — больше 16. Форма возвратности глагола *-ся*, *-сь* в разговорной речи охватывает около 12% всех случаев глаголов, а в передовых «Правды» — 21%. Вот употребительность некоторых субстантивных суффиксов (на тысячу существительных по данному виду речи; увеличение объема подсчетов может несколько изменить показатели, но не изменит их соотношения, — настолько резко различия):

	<i>-ение</i>	<i>-изация</i>	<i>-ица</i>
Разговорная речь (классическая драматургия)	30	—	11
Публицистика (передовые «Правды»)	113	78	—

Еще нет широких исследований притяжения и отталкивания компонентов (основы и аффиксы; соединяемые основы), хотя попытки в этом направлении не были единичными. Из недавних работ интересно по избранному пути исследование П. В. Булина, независимо от полученных зыбких и спорных результатов²³. До сих пор не выяснено, почему от *хитрый*, *подлый* — *хитрюга*, *подлюга*, а от *милый*, *бедный* — *миляга*, *бедняга*; такого вопроса даже не ставит специальное исследование об этом русском суффиксе²⁴.

Набор суффиксов почти индивидуален для каждой лексической основы, строже по глаголам, но и там *бить* допускает 19 префиксов, *пить* — 17, *спать* — 12.

Выбор суффиксов обусловлен и значением, и формой: при различном происхождении *-ов-* и *-ин-* тождественно притяжательное значение их, но форма основы не допускает замещать один другим (прилагательное *отцов*, но *папин*, как *мамин*).

План значения и план формы не изоморфны — их невозможно наложить один на другой однозначно. Одна словообразовательная

²³ П. В. Булин. Словообразовательные связи парных имен на *-ние*, *-ка* с глаголами совершенного и несовершенного вида. — Уч. зап. [Горьковск. Унив-т], вып. 68, 1964.

²⁴ D. S. W o r t h. The Suffix *-aga* in Russian. — «Scando-Slavica» X, 1964.

форма способна нести различные значения: *-ец* образовал не только *nomina agentis* (*кузнец, швец*), но и уменьшительные (*ларец < ларь*). А *nomina agentis* образованы не только суффиксом *-ец*, но и многими другими (*-ар, -арь, -тель, -ик, -ник, -чик, ак, -ач* и пр.) или даже совсем иными способами словообразования (*дровосек*).

Система русского словообразования сложилась исторически, как и в каждом естественном языке. Поэтому она пестра, логически противоречива. Даже одновременно возникшие два существительных *электровоз* и *бомбовоз* при общей основе и внешней тождественности образования на самом деле словообразовательно противоположны: *бомбовоз* возит бомбы (ср. *водовоз*), *электровоз* не возит электричества, напротив, электричество движет его (ср. *тепловоз*), при одной и той же второй основе оказались в одной и той же позиции первого компонента субъект действия и объект действия.

Наименования воинов по родам войск возникали в русском языке разновременно, из разных источников и в разной связи. Это отразилось в их словообразовательной форме: *стрелец, пушкарь, казак*, позже *кавалерист, артиллерист* открыли ряд *танкист, связист*, еще позже образовался ряд *разведчик, летчик, ракетчик*.

Чем длительней и сложней складывался семантический отряд слов (лексико-семантическая группа), тем он словообразовательно разнородней (наоборот, морфологически тяготеет к выравниванию — члены одной лексико-семантической группы постепенно приобретают сходные черты в результате фонетических изменений, переосмысления и т. п.). Если из 900 наименований минералов 448 образованы суффиксом *-ит-*, то наименования растений или птиц несравнимо пестрей и семантически, и формально²⁵. Разнобой или богатство? Пожелать системе русского словообразования быть экономней и логичней?

Да, избыточность ее огромна, велики накладные расходы на непригнанность ее элементов. Но в этом и неисчерпаемые резервы для непрерывного пополнения словаря по требованиям быстро изменяющейся действительности.

Коррективное примечание к стр. 100—101. После сдачи нашего сборника вышла книга Н. М. Шанского «Очерки по русскому словообразованию». М., 1968. В ней нет многих формулировок, оспариваемых этой статьей, но осталось основное, разделяющее наши позиции. Он оставляет за словообразованием лишь вопрос, как членятся слова сегодня, а «как они в действительности образованы — вопрос иной и относится уже к ведению этимологии» (стр. 25, см. и стр. 9, 17).

²⁵ Здесь можно упомянуть об этом тезисно, адресовав интересующихся к моей работе «Поиски системы». — «Этимология». М., 1963 (см. стр. 225, 230).